

Сказка Астрид Линдгрен

" Мио, мой Мио! "

В самой глубокой пещере самой черной на свете горы

Но тут случилось чудо! Отвесная скала за моей спиной подалась назад. И не успел я опомниться, как мы с Юм–Юмом очутились внутри горы. Затаившись в горе, мы дрожали, как ягнята при виде волка, хотя опасность уже миновала. Мы были внутри горы, скалистые стены сомкнулись за нами, а стражники остались снаружи. Проникнуть к нам было невозможно.

Но мы слышали, как стражники бесновались там, в лесу.
– Ищите, ищите повсюду! – кричали они. – Враг только что был среди нас. Ищите повсюду!
– Ищите, ищите! – сказал я. – Здесь вам нас никогда не отыскать.
Ну и обрадовались же мы с Юм–Юмом! И от радости громко засмеялись. Но тут я вспомнил про Мирамис, и мне стало не до смеху.
Оглядевшись по сторонам, мы увидели, что находимся в огромной пещере. Там было скорее сумеречно, чем темно: неизвестно откуда пробивался слабый свет. Множество темных проходов вело из пещеры вглубь горы.

"В самой глубокой пещере самой черной на свете горы" – так сказал Эно. Может, какой–то из этих ходов ведет к Кователю Мечей? Но какой? Этого мы не знали. Немало еще, видно, придется нам проблуждать, пока мы отыщем его.

– Вот мы и вошли в гору, самую черную на свете, – сказал Юм–Юм.
– Войти–то мы вошли, – сказал я, – но, сдастся мне, нам отсюда не выйти!
В этом подземелье и впрямь запросто собьешься с пути. Такая гора может присниться лишь в страшном сне: идешь и идешь по диковинным темным коридорам, а им конца–краю нет! Взявшись за руки, мы с Юм–Юмом отправились в самую глубь горы. Мы чувствовали себя маленькими заблудившимися детьми, а путь в самую глубокую на свете пещеру был, верно, неблизок.
– Эх, была бы гора не так мрачна, – сказал Юм–Юм, – проходы не так темны, а мы не так малы и беззащитны!
Мы шли и шли. Порой впереди можно было что–то разглядеть, порой наступала такая темень, хоть глаз выколи! Местами подземные ходы были так низки, что приходилось идти согнувшись, а иногда пещерный свод поднимался высоко–высоко, как в церкви. На стенах проступала сырость, было холодно, и мы плотнее кутались в плащи, чтобы не замерзнуть.
– Никогда нам отсюда не выбраться, никогда не найти пещеры Кователя Мечей, – сказал Юм–Юм.
Мы проголодались и поели немного хлеба насущного. Поели немного, потому что не знали, насколько придется его растянуть. Ели мы на ходу, и когда я жадно проглотил свой последний ломтик, мы как раз подошли к тому месту, где подземный проход разветвлялся на три.
По отвесной стене струилась вода, а меня так мучила жажда. Я остановился и стал пить. Нельзя сказать, чтобы вода показалась мне вкусной, но другой не было. Навпившись всласть, я обернулся к Юм–Юму, но Юм–Юма и след простыл. Он исчез. Может, он не заметил, как я остановился, и продолжал идти по одной из галерей?
Сначала я нисколько не испугался. Стоя у перепутья, я гадал, куда же отправился Юм–Юм. Уйти далеко он не мог, и надо только покричать его...
– Юм–Юм, где ты? – закричал я что есть мочи. Но мой крик вернулся ко мне жутким шепотом. Понять не могу, что за диковинная эта гора! Скалистые стены поглощали мой голос, приглушали его, превращая в шепот. А шепот эхом отзывался в горе.
– Юм–Юм, где ты?... – шептало в темных коридорах. – Юм–Юм, где ты?... Юм–Юм, где ты?..
Страшно перепугавшись, я стал кричать еще громче, но гора по–прежнему шепотом повторяла мои слова. Мне показалось, будто я слышу не свой собственный, а чей–то чужой голос. Кто–то сидит в глубине горы и издевается надо мной.

– Юм–Юм, где ты?... Юм–Юм, где ты?... Юм–Юм, где ты?... – шептало эхо.
О, как я перепугался! Ринувшись налево, я пробежал несколько шагов по узкому коридору, потом бросился назад к развилке и побежал направо, но, снова возвратившись, бросился в средний проход. Юм–Юм, куда ты подевался? Я не смел больше кричать – страшнее всего был этот шепот. Но мне казалось, что Юм–Юм должен почувствовать, как плохо мне без него, и вернуться.
Во все стороны расходились все новые и новые темные ходы, а я бегал по ним и все искал и искал. Я пытался сдержать слезы. Ведь я – рыцарь. Но какое уж тут рыцарство! Я думал о Юм–Юме, который бегаёт где–то и горестно зовет меня. Я бросился на каменный пол и заплакал так горько, как в тот раз, когда стражники схватили Мирамис. Теперь ни Мирамис, ни Юм–Юма со мной не было. Я остался один.

Я лежал, плакал и раскаивался, что пришел сюда. Я не понимал, как мой отец–король мог отпустить меня на битву с рыцарем Като. Мне хотелось, чтоб отец оказался здесь. Тогда бы я ему сказал:
– Видишь, как я одинок. Юм–Юм исчез. Я остался один, а ведь это ты хотел, чтобы я сразился с рыцарем Като.
Первый раз в жизни мне показалось: отец несправедлив, раз сам послал меня в Страну Чужедальнюю. Но когда я лежал на полу и плакал, думая о своих несчастьях, мне почудилось, будто я слышу голос отца.
– Мио, мой Мио! – сказал он.
Только и всего. Но слова эти прозвучали так, словно он хотел утешить меня: мол, нет причины так горевать, нет!

И я сразу подумал: я непременно найду моего дорогого Юм–Юма!
Я вскочил на ноги, и тут что–то вывалилось у меня из кармана. То была маленькая деревянная флейта, которую смастерил для меня Нонно. Моя деревянная флейта.
"А что, если сыграть? – подумал я. – Что, если сыграть на флейте тот старинный напев, которому обучил нас Нонно?" Я вспомнил, как мы с Юм–Юмом обещали друг другу: "Если кто–нибудь из нас попадет в беду, пусть сыграет на флейте пастуший напев". Приложив флейту к губам, я не осмелился заиграть сразу. Я страшно боялся, что опять раздадутся тусклые, мертвые звуки.
О, как чисто запела флейта! Как чисто, ясно, как чудесно пела флейта в этой мрачной горе! Чудесней даже, чем на Острове Зеленых Лугов.
Я сыграл напев до конца и прислушался. Далеко–далеко в глубине горы раздались какие–то чистые звуки. Они были чуть слышны, но я знал: Юм–Юм отвечает мне. Никогда еще я так не радовался!
Все ближе и ближе раздавались звуки. Все чище и чище, все громче и громче слышался старинный напев флейты Юм–Юма. И вдруг прямо предо мной очутился Юм–Юм! Юм–Юм, мой лучший друг! Протянув руку, я коснулся его. Я обнял его. Я хотел убедиться, что это в самом деле он. И это был он! Мой лучший друг!
– Если я когда–нибудь свижусь с Нонно, я поблагодарю его за эти флейты, – сказал Юм–Юм.
– И я тоже! – сказал я. Но тут же подумал, что с Нонно нам, верно, никогда не свидеться. – Юм–Юм, куда же нам идти? – спросил я.
– Все равно куда, – ответил Юм–Юм, – только бы вместе!
Я тоже так подумал. Мы шли и шли, не чувствуя себя больше маленькими заблудившимися детьми. Теперь мы были вместе и вместе играли на наших флейтах. Старинный напев звучал так прекрасно – казалось, он хотел утешить и подбодрить нас. Ход вел вниз. Все дальше и дальше вниз. Слабый ответ, озаривший стены, стал чуть ярче. Будто огонь очага оживлял темные отвесные скалы, и его отблески все веселее плясали вокруг. И вот так, наигрывая на флейтах старинный пастуший напев, мы вошли в пещеру Кователя Мечей.

Пещера оказалась настоящей кузницей, а в горне пылал жаркий огонь. Рядом с огромной наковальней стоял человек. Такого огромного, такого крепкого человека мне видеть не доводилось. У него были длинные рыжие волосы и длинная рыжая борода. Весь он был покрыт сажей. И таких огромных, таких черных от копоти рук, как у него, я еще никогда не видел. Он стоял, грозно нахмурив кустистые брови, и с удивлением смотрел на нас.

– Кто это играет? – спросил он. – Кто играет в моей горе?
– Рыцарь и его оруженосец, – ответил Юм–Юм. – Рыцарь из Страны Дальней! Принц Мио – вот кто играет в твоей горе.
Кователь Мечей подошел ко мне. Своим законченным пальцем он коснулся моего лба.
– Какой чистый лоб! – сказал он. – Какой ясный взор! И как чудесно ты играешь в моей горе!
– Я пришел к тебе за мечом, – сказал я. – Меня послал к тебе старый Эно.
– Зачем тебе меч? – спросил кузнец.
– Я должен сразиться с рыцарем Като! – отвечал я.
Только я вымолвил эти слова, Кователь Мечей как зарычит, да так страшно! Ничего подобного мне в жизни слышать не доводилось!
– Рыцарь Като! – рывкнул он так громко, что загрохотало в горах. – Смерть рыцарю Като!
Будто гром грянул в дальних темных галереях. Когда кричал Кователь Мечей, крик не заглушался, не превращался в шепот. Нет, громче грома гремел крик, и эхо повторяло его в горах.
Кователь Мечей стоял, сжав в кулаки свои огромные законченные руки, отсвет пламени падал на его почерневшее от бешенства лицо.
– Смерть рыцарю Като, смерть!
В горне взметнулся огонь и озарил на стенах длинный ряд острых мечей. Они сверкали и блестели так, что жуть брала.
– Видишь мои мечи? – сказал кузнец. – Мои острые мечи? Я их выковал для рыцаря Като. Кователь Мечей рыцаря Като – вот кто я!
– Если ты куешь ему мечи, почему ты кричишь: "Смерть рыцарю Като"? – спросил я.
Он сжал свои законченные кулаки так, что косточки побелели.
– Больше всех на свете ненавидит рыцаря Като тот, кто кует ему мечи, – ответил он.
И тут только я увидел, что кузнец прикован к скале длинной железной цепью. Когда он двигался по кузнице, за ним волочилась и звенела цепь.
– Почему ты прикован? – спросил я. – Почему не расскажишь цепь в своем горне и не разобьешь ее на своей наковальне?
– Рыцарь Като сам приковал меня, я кую ему мечи, которые убивают добрых и невинных. Без этих мечей ему не обойтись. Вот потому–то он и приковал меня своей самой надежной цепью, – ответил Кователь Мечей. – А его цепи не берет ни огонь, ни молот. Цепи, выкованные из ненависти рыцаря Като, не так–то легко разбить!

Кователь Мечей взглянул на меня – глаза его сверкали огнем.
– Я сижу здесь в пещере и кую мечи для рыцаря Като. Дни и ночи напролет кую я мечи, и он знает об этом. Но есть один меч, о котором не знает и он. Вот этот меч.
Кователь Мечей проковылял в Самый темный угол пещеры и достал из расщелины меч. Как пламя, заполыхал огненный меч в его руках.
– Много–много тысяч лет пытался выковать я меч, рассекающий камень, – сказал он. – И сегодня ночью мне наконец посчастливилось, только сегодня ночью. – Он поднял меч и одним ударом рассек скалу. – О мой меч, мой огненный меч! – пробормотал он. – Мой меч, рассекающий камень!
– Зачем тебе меч, рассекающий камень? – спросил я.
– Так знай же, – ответил Кователь Мечей. – Этот меч выкован не против добрых и невинных. Это меч против самого рыцаря Като. Ведь у Като сердце из камня, разве ты не знаешь об этом?
– Нет, я так мало знаю о рыцаре Като, – сказал я. – Знаю только, что пришел с ним сразиться.
– У него сердце из камня, – повторил Кователь Мечей. – А коготь из железа.
– Коготь из железа? – переспросил я.
– Разве ты не знаешь об этом? – спросил Кователь Мечей. – Вместо правой руки у него железный коготь.
– А что он делает этим когтем? – спросил я.
– Вырывает сердца людей, – ответил Кователь Мечей. – А потом вкладывает им в грудь каменные сердца. Это закон: у всех, кто окружает рыцаря Като, должны быть каменные сердца.
Услыхав эти слова, я содрогнулся. Ах, скорее бы, скорее бы мне сразиться с рыцарем Като!
Кователь Мечей стоял рядом, поглаживая меч своими черными от копоти руками. Видно, у него не было сокровища дороже этого меча.
– Дай мне твой меч, рассекающий камень! – попросил я. – Дай мне твой меч, чтобы я мог сразиться с рыцарем Като!
Кователь Мечей молча глядел на меня.
– Да, ты получишь мой меч, мой огненный меч, – сказал он наконец. – Как чист твой лоб, как ясен твой взгляд и как чудесно играл ты в моей горе! Ты получишь мой меч!
Он вложил огненный меч в мою руку. Будто частица огня передалась от меча ко мне, и я почувствовал в себе огромную силу.
Кователь Мечей подошел к скалистой стене и отворил потайное оконце.
Холодный, ледяной вихрь ворвался в пещеру, и я услышал рокот мятущихся волн.
– Многое знает рыцарь Като, – сказал Кователь Мечей. – Но он не знает, что я пробуравил гору и распахнул окно моей темницы. Долгие годы буравил я гору ради потайного оконца.
Я подошел к оконцу и стал глядеть на замок рыцаря Като на другом берегу Мертвого Озера. Снова настала ночь, замок казался черным и мрачным, а единственное окно его светилось, словно злое око над водами Мертвого Озера.
Подошел Юм–Юм и встал рядом со мной. Мы стояли молча, думая о том, что битва близка. И тогда Кователь Мечей произнес:
– Скоро пробьет час! Скоро пробьет час! Пробьет час последней битвы рыцаря Като.

[Назад](#) << >> [Дальше](#)